

Юлия Торгакова

Между технологиями, энергией и кризисами: Южная Азия в новом мире

А.В. Куприянов

Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова

Аналитические тезисы

Между технологиями, энергией и кризисами: Южная Азия в новом мире

Автор:

Куприянов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук,
руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

Куприянов А.В. Между технологиями, энергией и кризисами: Южная Азия
в новом мире. № 9 / 2026. М.: Фонд Горчакова, 2026. 18 с.

ISBN 978-5-6056578-6-6

№ 9, 2026

Высказанные в материале мнения отражают исключительно взгляды
и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой
зрения Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова.

© Куприянов А.В., 2026
© Составление, оформление. Горохова А.Ю., 2026

Иллюстрация на обложке: нейросеть OpenAI

Содержание

Введение: полицентризм и проблема оптики	4
I. Государства-цивилизации	6
II. Битва за технологии: раздел сфер влияния	8
III. Энергетический переход и проблемы развития	11
IV. Уязвимость путей импорта углеводородов	13
V. Общества в преддверии будущих кризисов	15
Заключение. Южная Азия и Россия	16

Введение: полицентризм и проблема оптики

Общим местом в статьях и книгах, посвященных международным отношениям, стал тезис о постепенном переходе к многополярности (полицентризму)¹; эта система коренным образом отличается как от привычной биполярности, существовавшей во времена холодной войны, так и от однополярного момента, который возник после ее окончания. Чтобы продемонстрировать, что многополярность в принципе возможна и не обязательно влечет за собой глобальный конфликт, вспоминают, как правило, о временах «европейского концерта», когда несколько великих европейских держав в течение почти ста лет сосуществовали в мире, прерываемом незначительными по общему уровню масштабам войнами.

Такой подход выглядит искусственным и упрощенным. Апелляция к «европейскому концерту» неявно подразумевает, что многополярность – сугубо европейская концепция и практика, чуждая странам Азии, якобы традиционно рассматривающим мир через иерархическую призму. Это, в свою очередь, порождает скептическое отношение к политическим и экономическим перспективам азиатских стран, неспособных соперничать с Западом, доминировавшим в мире в течение последних пятисот лет. Этот подход основывается на множестве некогда популярных, но ныне устаревших теорий и подходов – от откровенно расистских до наукообразных, предполагающих, что азиатские народы способны лишь копировать чужие достижения, а не изобретать что-либо новое.

Это ошибка, вызванная избирательной европоцентричной оптикой. Нынешняя история международных отношений написана в основном европейцами с незначительным участием представителей Глобального Юга, придерживающихся европо-

1 Россия в полицентричном мире / Под. ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Издательство «Весь Мир», 2011; Zsuzsa A.F. Towards a multipolar world: The path ahead in 2025 // ORF. 08.01.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/towards-a-multipolar-world-the-path-ahead-in-2025> (Дата обращения: 02.09.2026); Mthembu P. South Africa and BRICS in a multipolar world – towards a diffusion of power and ideas? // Africa Insight. 2018. Vol. 48. № 4. Pp. 39–55; Sahakyan M. China and Eurasian Powers in a Multipolar World Order 2.0: Security, Diplomacy, Economy and Cyberspace. Routledge, 2023.

центричной парадигмы. На самом деле естественный полицентризм существовал всегда, причем вплоть до середины XVIII в. азиатские общества превосходили европейцев в экономическом и военном плане. Даже после того, как Европа вырвалась вперед, а затем захватила или подчинила себе остальной мир, западное господство над многими регионами оставалось фикцией либо базировалось на сложной системе взаимных договоренностей с местными элитами. Страны, издавна являвшиеся центрами притяжения и региональными лидерами, оставались таковыми и под европейским владычеством (так, Индия превратилась в субимперию, обеспечивавшую британскую экспансию в регионе Индийского океана, а Китай и Япония так и остались независимыми). Взаимоотношения колонизаторов и колонизированных не определялись лишь через понятия господства и подчинения; **восточные народы осваивали западные технологии и постепенно преобразовывали под свои нужды западные институты, сохраняя свою идентичность.**

Эта естественная полицентричность сохранялась и во времена холодной войны. Мы привыкли смотреть на нее как на эпоху соперничества двух сверхдержав, в то время как для множества государств и обществ это соперничество было лишь далеким сюжетом, не имевшим к ним прямого отношения. Их больше беспокоили насущные проблемы урегулирования постколониальных границ, обеспечения внутреннего развития, борьбы с бедностью. США и СССР были ценными источниками технологий, денег и гуманитарной помощи, но не более. После окончания холодной войны эта **полицентричность стала очевидной.**

Такой подход помогает взглянуть на **происходящий сейчас подъем азиатских стран** иначе: как на естественное продолжение многовековых процессов, возвращение себе мирового лидерства после кратковременного и неуверенного доминирования Запада.

I. Государства-цивилизации

Такое возвращение требует концептуального переоформления: общественно-политическому дискурсу стран Азии откровенно тесно в парадигмальных рамках современной политической нормы, предусматривающей единственную форму существования «нормального» государства – государство-нацию.

Учитывая, что сама концепция государства-нации и так называемого «вестфальского суверенитета» сложилась в Европе во второй половине XIX – начале XX вв.², такое положение вещей обрекает неевропейские государства-нации на следование в фарватере западного политического дискурса. Сами западные страны при этом отнюдь не являются образцовыми государствами-нациями, сплошь и рядом нарушая суверенитет других стран и пытаясь постоянно реконцептуализировать идею государства-нации через делегирование части прав бюрократам в Брюсселе и стремление переосмыслить само понятие государственности («Европа регионов») в случае ЕС или просто отрицая часть норм в случае США.

В этой ситуации **страны-лидеры Азии ищут новые варианты самоидентификации**. Им явно тесно в границах государств-наций, но концепция империи также представляется довольно сомнительной: любая империя не только подразумевает практики контроля и принуждения, но и связана в глазах жителей стран Глобального Юга с тяжелым и болезненным историческим опытом, полученным их предками в период существования колониальных империй. **Дискурсивной альтернативой государству-нации** и империи выступает понятие **государства-цивилизации**³, подчеркивающее наличие единого культурного пространства, выработанные столетиями практики взаимодействия и сосуществования вместо прямого или косвенного контроля, допускающее при этом наличие местных культурных, экономических, по-

2 См., напр., Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб, Алетейя, 1998.

3 Mawdsley E. Introduction India as a 'civilizational state' // International Affairs. Vol. 99. Iss. 2. March 2023. Pp. 427–432; Xia G. China as a 'Civilization-State': A Historical and Comparative Interpretation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 140. August 2014. Pp. 43–47; Indonesia Promotes 'Civilizational State' Vision Through Cultural Diversity // Voice of Indonesia. 22.05.2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://rri.co.id/en/national/2434192/indonesia-promotes-civilizational-state-vision-through-cultural-diversity> (Дата обращения: 02.09.2026).

литических особенностей в рамках единой цивилизации.

Кроме того, оно указывает на древность общественных институтов и предполагает, что государство-цивилизация обладает рядом иных признаков, отличающих его от государства-нации. **Таким образом, идея государства-цивилизации – это своего рода якорь, позволяющий новым лидерам удержаться за исторический грунт в бушующем океане постмодерна.**

При этом идея государства-цивилизации далеко не однозначно воспринимается внутри самих азиатских стран – сам термин «цивилизация» используется обычно правыми и правоцентристскими движениями и вызывает негативную реакцию левых и либеральных политических сил, идеология которых строится на основе идеи прогресса. В то же время находящиеся у власти политические силы и экспертное сообщество азиатских государств активно изучают и внедряют последние достижения европейской социологической мысли, в частности **идею дискурсивной гегемонии**⁴. Там, где внутренний консенсус еще не достигнут, правительства пытаются при помощи методов социального конструирования внедрить их во внутривнутриполитический общественный дискурс; там, где он имеется, эти методы поставлены на службу государству и используются в основном на внешнеполитическом поле.

4 Howarth D. Power, discourse, and policy: articulating a hegemony approach to critical policy studies // Critical Policy Studies. 2010. Vol. 3. Iss. 3–4. Pp. 309–335.

II. Битва за технологии: раздел сфер влияния

Если раньше залогом выживания и развития экономики была мощная тяжелая промышленность, то сейчас **ключевым элементом становится доступ к новым технологиям**, что, в свою очередь, ставит на повестку дня вопрос технологического суверенитета. Понятно, что технологический суверенитет и технологическая автаркия в строгом смысле невозможны: **основная задача государств на нынешнем этапе – обеспечить своим компаниям максимально высокую позицию в производственных цепочках и превратиться в один из узлов производственно-технологической сети**. Для государств-цивилизаций, претендующих на роль культурных, политических и экономических центров, такая роль выглядит естественной.

Эти цепочки и сети складываются в условиях жесткой конкуренции в рамках политической и экономической конфронтации между КНР с одной стороны и США и их союзниками – с другой. Происходит **формирование двух конкурирующих технологических систем**, каждая из которых предполагает определенный набор стандартов и решений. Эти системы стремятся к расширению: **для держав** – технологических патронов включение в них новых стран означает расширение рынка, **для стран-клиентов** – получение привилегированного доступа к современным технологиям. При этом страны-клиенты вынуждены жертвовать своим технологическим суверенитетом: встроившись в одну из систем, они должны будут впредь играть по правилам, устанавливаемым державой-патроном, и чем активнее они будут внедрять передовые технологии в рамках системы, тем сложнее будет вырваться из этой зависимости.

В этой ситуации **у государств есть два выхода**: либо пытаться сформировать собственную технологическую систему, либо балансировать между имеющимися, внедряя технологии обеих систем и разрабатывая собственные продукты, с ними совместимые.

Первый вариант реализуем с большими сложностями: создание собственной технологической системы требует колоссальных постоянных вложений ресурсов и усилий и наличия гаран-

тированного рынка для продукции. Проблему можно решить при помощи совместных усилий нескольких игроков, но это, в свою очередь, ставит новые проблемы: необходимо обеспечить постоянную заинтересованность всех участников, бесперебойную работу планирующих органов, координацию между ведомствами разных стран.

Второй вариант на первый взгляд выглядит более предпочтительным: он не требует формирования рынка или борьбы за существующие. Однако и он предполагает определенные проблемы: балансирующий игрок теряет часть бонусов, которые страны-патроны предоставляют своим клиентам. К тому же чем дольше длится конкуренция технологических систем, тем больше в общем случае расходятся их стандарты и решения. Это означает, что создание и внедрение технологий, которые бы совмещали плюсы обеих систем, усложняется. Более того, этот вариант возможен лишь в том случае, если страны-патроны будут «сквозь пальцы» смотреть на наличие такого балансирующего игрока, будь то по экономическим или политическим соображениям.

Шанс улучшить положение на глобальной технологической карте предоставляет нынешний **ИИ-бум**. Подобно тому, как в свое время Китай обеспечил себе высокие темпы экономического роста за счет превращения в мировую фабрику, а Индия – в мировой колл-центр и аптеку, **ИИ-бум может послужить трамплином для скачка в сфере высоких технологий и сопутствующих секторов экономики**. ИИ ворвался в нашу жизнь неожиданно, и до сих пор неясно, к каким последствиям приведет его широкое внедрение. Уже очевидно, что оно вызвало рост цен на компьютерные компоненты; ИИ широко используется в сферах высоких технологий, принятия решений, в науке и образовании, в сферах общественного контроля и безопасности – и далеко не везде результат можно считать позитивным. Высказываются обоснованные сомнения в том, что ИИ сам по себе способен совершить революцию в методах и средствах производства, подобную промышленным революциям прошлого, но он явно может послужить модификатором, во много раз усиливающим эффект от нововведений.

Бум ИИ приводит к тому, что **обладание собственным набором ИИ-моделей** начинает рассматриваться как **обязательный элемент технологического суверенитета**, в том числе с позиции

государства-цивилизации. Постулируется⁵, что большие языковые модели, обученные на текстах людей, принадлежащих к другой культуре, не только не оправдывают возлагаемых на них надежд, но и могут представлять угрозу национальной безопасности в случае их внедрения в критически важных отраслях. Каждое государство-цивилизация должно опираться на собственные большие языковые модели и обеспечивать безопасность данных своих граждан.

5 Tuteja A. Does India Need Its Own Large Language Model (LLM) // INDIAai. 29.08.2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://indiaai.gov.in/article/does-india-need-its-own-large-language-model-llm> (Дата обращения: 02.09.2026).

III. Энергетический переход и проблемы развития

Еще одна **важная составляющая государственной безопасности и развития – энергетика**. Сама цивилизация как явление зависит от нашей способности получать и использовать энергию, будь то энергия, получаемая от ископаемого топлива, растений или от Солнца напрямую. На данный момент львиная доля энергогенерации (более 30%) приходится на нефтепродукты; на втором месте (ок. 27%) – уголь, на третьем (ок. 24%) – природный газ⁶. При этом в генерации электроэнергии уголь занимает первое место (34,4%), природный газ – второе (22%).

Таким образом, **несмотря на все усилия по внедрению технологий**, использующих возобновляемые источники энергии, и отказу от «грязной энергетики», **мировая экономика по-прежнему держится на нефти, угле и газе**. Однако помимо чисто экономических соображений на политику в сфере энергопотребления влияют и вопросы международного статуса государств, тесно связанные с экологическими проблемами.

Для стран Азии эта ситуация – классический пример сочетания проблем и возможностей. Основная проблема в том, что большая часть их до сих пор полагается на уголь для электрогенерации⁷. Помимо того, что он дешевле, все технологические процессы добычи, переработки и использования давно отработаны. Кроме того, **угольная отрасль социально значима**: в ней, если учитывать связанные с ней сферы, в Азии заняты сотни миллионов людей. Отказ от угледобычи может вызвать социальный взрыв, к тому же он снизит степень экономической автономии, что неприемлемо по внешнеполитическим соображениям.

С другой стороны, даже в лучшие времена во многих азиатских странах централизованная система производства и распределения энергии не охватывала всю территорию и все население – к примеру, в Индии в 1995 г. постоянный доступ к электроэнер-

⁶ Ember. Yearly Electricity Data [Электронный ресурс]. URL: <https://ember-energy.org/data/yearly-electricity-data/> (Дата обращения: 02.09.2026).

⁷ World Bank Group. Electricity production from coal sources (% of total) – South Asia (IFC classification) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.COAL.ZS?locations=C8> (Дата обращения: 02.09.2026).

гии имели чуть более 50% населения⁸. К тому же **динамичность растущих экономик позволяет проводить в странах Азии смелые эксперименты**, которые вряд ли возможны в развитых экономиках. Наконец, сам климат азиатских регионов, с его мощными ветрами в отдельных районах и большим количеством солнечных дней почти на всей территории к югу от Сибири, позволяет эффективно использовать возможности возобновляемой энергетики. Все это подталкивает правительства азиатских стран **к расширению доли ВИЭ в генерации энергии**: для них внедрение «чистых энерготехнологий» – не только возможность снизить зависимость от импорта углеводородов, продемонстрировав заботу о климате и ответственность перед будущими поколениями. Эти проекты несут очевидную и конкретную выгоду, помогая обеспечить энергией отдаленные деревни и поселки и поддерживая отечественных бизнесменов. Во многом именно благодаря им в Индии удалось почти полностью ликвидировать проблему доступа к электроэнергии.

Экономика стран Азии, таким образом, **сидит на двух стульях**, опираясь, с одной стороны, на **традиционное и неэкологичное энергопроизводство**, с другой – активно развивая **зеленые технологии**. Эта двойственность заметна и во внешней политике государств, выступающих против навязывания развитыми странами требований по сокращению традиционных методов электрогенерации и в то же время не только демонстрирующих готовность развивать зеленую энергетику, но и стремящихся перехватить лидерство в этой области (например, взятие Китаем на себя дополнительных обязательств по ускоренному достижению углеродной нейтральности, продвигаемый Индией при поддержке Франции Международный солнечный альянс).

⁸ Macrotrends. India Electricity Access [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macrotrends.net/datasets/global-metrics/countries/ind/india/electricity-access-statistics> (Дата обращения: 02.09.2026).

IV. Уязвимость путей импорта углеводородов

Какими бы впечатляющими ни были успехи «зеленой» энергетики в странах Азии, **нефтепродукты** по-прежнему **обеспечивают нормальное функционирование экономики**. Однако нефтегазовые ресурсы распределены по планете неравномерно: в то время как ряд азиатских стран (прежде всего государства региона Персидского залива и Аравийского полуострова) имеет их в избытке, другие либо почти полностью их лишены, либо объем производства и запасов не позволяет покрыть потребности экономики. В ситуации, когда мировые пути открыты, это неравномерное распределение не представляет экзистенциальной проблемы. Но в случае начала одного или нескольких конфликтов, влияющих на морские перевозки, положение кардинально меняется.

В настоящий момент мы наблюдаем два вооруженных конфликта – украинский и иранский, причем второй для стран Азии является куда более важным. Фактическая блокада Ормузского пролива, установленная Ираном и США, и удары по нефтяным мощностям Ирана и арабских стран Залива **не позволяют обеспечить в полном объеме поставки дешевых ближневосточных углеводородов**. В то время как ситуация на мировом рынке относительно стабилизировалась благодаря наращиванию объемов добычи нефти и газа в США, достигших исторического максимума, для стран Азии картина выглядит не столь радужно – именно они оказались главными пострадавшими в результате блокады пролива. Удары украинских дронов по российским НПЗ, трубопроводам, терминалам и танкерам еще больше осложняют положение.

В этой ситуации у **стран Азии есть два варианта**, позволяющих обеспечить относительную энергетическую безопасность: **перейти на альтернативные виды транспорта** (электромобили, автомобили с двигателями на биотопливе), позволяющие снизить импорт дефицитных углеводородов, **или максимально диверсифицировать свои цепочки поставок**. Большинство азиатских игроков **стремятся сочетать эти два подхода**, но сама сложившаяся ситуация **обнажает хрупкость всей системы поставок нефти и газа**: по сути, удерживать цены на бензин в странах Азии удает-

ся только благодаря тому, что по времени совпали два конфликта (в Заливе и на Украине), и только благодаря переориентации экспорта российских углеводородов удалось избежать дефицита и роста цен на нефтепродукты, что больно ударило бы по азиатским экономикам.

Очевидно, что оба конфликта рано или поздно закончатся; но **неясно, когда произойдет возвращение к привычной нормальности** и произойдет ли оно вообще. Атаки на танкеры и блокада узких мест мировой торговли продемонстрировали, что **эпоха свободных морей закончилась**; безопасность морских путей вновь необходимо обеспечивать силой, что ставит на повестку дня вопрос строительства мощного морского флота, способного противостоять новому набору угроз.

V. Общества в преддверии будущих кризисов

Очевидно, что **мир после окончания нынешних кризисов больше не будет «плоским»**: это будет мир жесткой конкуренции, поддерживаемой в том числе неэкономическими методами, роста расходов государственных и квазигосударственных акторов на безопасность, снижения непроизводительных расходов.

Все это неизбежно ударит по ряду социальных слоев и групп как на Западе, так и на Востоке – но **Азия в этом плане более уязвима, чем Европа**. Десятилетия глобализации привели к стремительному росту численности среднего класса и образованию в его рамках особой группы – имеющей опыт работы в ТНК, более связанной с братьями по страте в других странах, чем с обществом, в котором они живут, проживающей в закрытых компаундах с собственной системой охраны. Положение этой социальной группы, с другой стороны, служит ориентиром для низшей части среднего класса, мечтающей достичь такого же уровня дохода. Положение же среднего класса, в свою очередь, является предметом мечтаний выходцев из сельской местности, живущих на грани бедности. Во многом **стабильность азиатских обществ держится на этой иерархии стремлений**, надежность которой гарантируют высокие темпы экономического роста – но не исключено, что в результате череды кризисов и изменений в мировой экономике эта модель начнет рушиться.

В течение последних десятилетий **азиатские общества кардинально изменились**: урбанизация, рост грамотности, медиареволюция привели к тому, что **новые поколения все больше осознают свою политическую субъектность**, стремятся играть активную роль в социальных процессах.

Здесь возникает важный вопрос: **смогут ли правительства удовлетворить этот запрос и одновременно обеспечить высокие темпы экономического роста – и если нет, то не приведет ли это к росту общественного недовольства и социальному взрыву?**

Заключение. Южная Азия и Россия

На этом фоне развиваются сейчас отношения России и стран Южной Азии, в первую очередь крупнейшего и важнейшего российского партнера в регионе – **Индии**. До начала украинского конфликта **российско-индийские отношения находились в состоянии стагнации и постепенного упадка**, причем политические отношения заметно опережали экономические. Однако события на Украине полностью изменили ситуацию: оторванные от привычных потребителей на Западе, российские экспортеры быстро переориентировались на Восток. Это привело к стремительному росту товарооборота России и Индии: за три года он вырос более чем в пять раз, главным образом за счет нефти⁹. Сложилась временная и хрупкая модель торговли, которая просуществует до того момента, когда западные санкции будут либо ослаблены, либо критически усилены. Это, в свою очередь, означает, что **необходимо найти новую форму экономического взаимодействия с учетом как стоящих перед азиатскими странами вызовов, так и российских интересов**.

За годы конфликта российская экономика накопила большой инновационный потенциал, освоив новые технологии и производство ряда товаров, импорт которых невозможен в условиях санкций. Этот потенциал не может быть реализован до момента окончания конфликта; но после его окончания при вложении необходимых инвестиций в производство он может стать драйвером для развития сотрудничества России и стран Южной Азии.

Уже сейчас **необходимо готовиться к новым, постконфликтным реалиям**. Россия по-прежнему остается ключевым партнером южноазиатских стран в **сфере атомной энергии**: успешно работает АЭС «Куданкулам», строится АЭС «Руппур». Постройка еще одной АЭС на северо-западе Индии позволит обеспечить чистой и дешевой энергией Гуджарат, Махараштру, Харьяну, Панджаб,

⁹ TAdviser Summit 2026. Итоги года и планы 2027. Торговля России и Индии // TAdviser. 27.02.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8_%D0%B8_%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B8 (Дата обращения: 02.09.2026)

Раджастхан, Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш.

Россия может внести вклад в **обеспечение безопасности границ в Южной Азии**. Накопленный за время украинского конфликта опыт применения новейших технологий, прежде всего БПЛА, бесценен; хотя сейчас российская военная промышленность работает преимущественно в интересах фронта, она готова поделиться технологиями и развернуть производство дронов в Индии.

Украинский и ближневосточный кризисы продемонстрировали уязвимость привычных торговых маршрутов, проходящих через Черное и Балтийское моря и территорию Ирана. **Необходимо развивать наиболее безопасный маршрут** Ченнаи – Владивосток, для чего требуются крупные инвестиции как в портовую инфраструктуру, так и в Транссиб.

Количество перспективных проектов и направлений сотрудничества очень велико, но одним из препятствий на пути их реализации остается взаимный недостаток знаний о возможностях и интересах друг друга. Совместный проект Фонда Горчакова и Observer Research Foundation, равно как и проекты других аналитических структур, призваны внести свой вклад в решение этой проблемы.

Фонд Горчакова

gorchakovfund.ru